

ДИСКУССИИ

ОБ ИЗУЧЕНИИ МЕЛКОТОВАРНОГО УКЛАДА В РОССИИ XIX ВЕКА

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Во втором номере журнала «История СССР» за 1961 г. опубликована статья П. Г. Рындзюнского «О мелкотоварном укладе в России XIX века». Ее автор совершенно правильно обращает внимание исследователей на необходимость тщательного и глубокого изучения мелкотоварного уклада, выявления его удельного веса и роли в социально-экономическом развитии России прошлого века. Все, что сказано в статье по поводу значимости такого изучения, не нуждается в дополнениях. Верны и утверждения о том, что разработка этой важной проблемы еще далеко не уделяется должного внимания.

П. Г. Рындзюнский поставил перед собой две задачи. Применительно к первой половине XIX в. он признал необходимым «выступить на защиту самого того положения, что мелкотоварный уклад мог распространяться и в крепостнических условиях». Для второй половины XIX в. им поставлена задача «подойти к разрешению вопроса об интенсивности и характере развития мелкотоварного уклада в сельском хозяйстве различных областей России»¹. В статье имеется ряд ценных наблюдений и выводов, а также приводится (во второй части) интересный фактический материал. Она несомненно привлечет внимание к изучению мелкотоварного уклада. Однако с рядом принципиальных положений автора не представляется возможным согласиться. Цель настоящей статьи и заключается в том, чтобы обратить внимание исследователей на некоторые спорные и неубедительные, с нашей точки зрения, положения, выдвинутые П. Г. Рындзюнским, и вместе с тем поделиться некоторыми соображениями о развитии мелкотоварного уклада в России в XIX в.

* * *

Необходимость доказывать для первой половины XIX в. самую возможность развития мелкотоварного уклада в условиях господства крепостнических отношений вызывается, по мнению П. Г. Рындзюнского, состоянием литературы, в которой, якобы, «с одной стороны, преувеличение разорительных тенденций помещиков по отношению крестьян поставило под сомнение этот тезис, а с другой, преувеличение степени капиталистического расслоения деревни наводит на мысль о том, что еще до реформы мелкое товарное производство потеряло свое передовое значение по отношению к феодальной системе, и что деревня вы-
свобождалась из крепостнического подчинения, лишь уже подвергшись

¹ П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX в. «История СССР», 1961, № 2, стр. 53 (далее ссылки на статью даются непосредственно в тексте).

капиталистическому перерождению» (стр. 53). Подобные представления, как считает П. Г. Рындзюнский, порождены тем, что «в описании хозяйственного положения помещичьих крестьян первой половины XIX в. в наших теперешних работах преобладает тенденция показать усиливающееся разорение их помещиками, в результате которого наступала деградация крестьянских хозяйств и вымирание крестьян» (стр. 54). Выводы исследователей о том, что имела место не только деградация крестьянского хозяйства, но и его поступательное развитие, связанное с развитием мелкотоварных и складыванием капиталистических отношений, признаются П. Г. Рындзюнским лишь формальной оговоркой, поскольку «капиталистическое расслоение в дореформенное время имело ограниченные размеры и не затронуло основной крестьянской массы» (стр. 55). В итоге «становлению высвобождающегося от крепостной зависимости и сохраняющего в основном докапиталистический характер крестьянского хозяйства нет места в этой схеме» (стр. 63). Из нее будто бы выпал растущий мелкотоварный уклад. Недооценка этого уклада имеет место, по мнению автора статьи, и для пореформенного времени (стр. 55).

Далее несостоятельность существующей концепции усматривается в том, что хозяйственный прогресс в дореформенной деревне происходил будто бы «только в результате сопротивления крестьян помещичьему нажиму,— растущее крестьянское движение умеряло экономическое наступление помещиков на крестьян, оно же в конце концов привело крепостничество к гибели» (стр. 55). В результате якобы «в основу перемен середины XIX в. полагаются явления хозяйственной деградации и фактор, строго говоря, лежащий за пределами экономики, хотя и тесно связанный с ней,— крестьянское освободительное движение» (стр. 55).

Что же противопоставляется ныне господствующим, но будто бы односторонним и потому несостоятельным концепциям? В основе социально-экономического развития в первой половине XIX в., по мнению П. Г. Рындзюнского, «находились не нисходящие, а восходящие токи, рождающиеся не столько в помещичьих экономиях, сколько в самой производящей народной массе, т. е. в крестьянских хозяйствах» (стр. 58). Этими восходящими токами и было развитие мелкотоварного производства, рост мелкотоварного уклада. Успешное развитие мелкотоварного производства в дореформенной России обусловливало весь хозяйственный прогресс, являлось главной экономической основой и растущего антифеодального движения крестьян и отмены крепостного права в России (стр. 55—59).

В пореформенной России «в деревне происходил процесс становления не только зрелого капитализма, но также мелкотоварного уклада» (стр. 63). При этом в экономическом развитии имели место два этапа, основное различие между которыми состояло в том, что «если в первом периоде преобладал процесс становления мелкотоварного уклада, то во втором брал верх процесс становления капиталистических отношений» (стр. 63).

Итак, основная мысль П. Г. Рындзюнского сводится к тому, что распространенные в настоящее время представления о социально-экономическом развитии России в XIX в. не только недооценивают роли мелкотоварного уклада, но и фактически не оставляют места для его развития. Исходя из этого, П. Г. Рындзюнский считает необходимым внести ряд принципиальных корректировок в эти представления.

Посмотрим конкретней, в какой мере обоснованы основные положения П. Г. Рындзюнского.

П. Г. Рындзюнский считает, что имеющиеся в нашей литературе утверждения о разорении крестьянских хозяйств в предреформенный период являются результатом преувеличения темпов роста феодальных

повинностей. В частности он сомневается в правильности наблюдений о том, что оброк у помещичьих крестьян в целом ряде имений и районов вырос в первой половине XIX в. в 4—6 раз (стр. 56—57).

Мнение П. Г. Рындзюнского о том, что рост феодальных повинностей до разорительных масштабов не мог быть широко распространенной тенденцией, вытекает из того, что будто бы всегда «рост обложения в какой-то мере соотносился с развитием производительных сил в крестьянском хозяйстве» (стр. 58), так как помещик был заинтересован в благосостоянии крестьян. Поэтому П. Г. Рындзюнский сомневается и в том, что борьбу крестьянства следует рассматривать как фактор, сдерживающий нажим помещиков и содействующий развитию крестьянского хозяйства (стр. 55). Конечно, благополучие помещика зависело от благосостояния крестьян, и помещики понимали это. Однако по мере превращения в период разложения феодализма натурального хозяйства в товарно-денежное, феодальная рента превращалась из потребительной в меновую стоимость. Этим самым открывалась полоса резкого усиления эксплуатации крестьянства. Размеры феодальной ренты начинают интенсивно возрастать. Стремление к увеличению доходов — фактор материальный — не могло не быть при этом сильнее сознания того, что увеличение ренты подрывает благосостояние крестьян, основу благополучия помещика. Что в таком случае могло сдерживать рост эксплуатации и тем сохранять возможность для развития крестьянского хозяйства и предохранять его от окончательного разорения? Только борьба крестьянства. Как видим, исходный тезис нуждается в уточнениях.

Стремление П. Г. Рындзюнского подвергнуть сомнению приводимые в литературе данные о росте размеров оброка в значительной мере пристекают из недоразумения. Он ошибочно полагает, что по темпам роста размеров оброка исследователи судят о темпах роста эксплуатации крестьянства, отождествляя количественные показатели этих темпов. П. Г. Рындзюнский пишет: «Если в середине века (XIX.—И. К.) у крестьян отнималось в 4—6 раз больше продуктов, чем в его начале, то при известном слабом росте производительности труда в феодальных условиях, какое же благополучие было у крестьян в конце XVIII в.!» (стр. 56—57). Но ведь все исследователи очень хорошо понимают, что, если оброк вырос в 4 или 6 раз, то это вовсе не означает, что помещик увеличил во столько же раз долю присваиваемого им прибавочного продукта.

Рост оброка, несомненно, означал усиление эксплуатации крестьян. Но, чтобы выразить это усиление в точных количественных показателях, надо знать не только размеры оброка в тот или иной период. Для этого необходимо более или менее точно установить, какую долю составлял оброк и другие денежные повинности в валовом доходе крестьянского хозяйства в соответствующий период. В силу того, что крепостная эпоха не могла оставить нам массовых данных о бюджетах крестьянских хозяйств, т. е. всех их доходах и расходах в денежном выражении, для определения количественных показателей нормы эксплуатации и ее динамики требуется большая и сложная работа. Она включает в себя учет данных об изменении ценности денег, движении цен и, главное, о влиянии этих факторов на размеры доходов и повинностей крестьян.

Почти полная неизученность указанных вопросов и сложность их разработки обусловили то, что исследователи в настоящее время при определении интенсивности эксплуатации оброчных крестьян судят о ней чаще всего по размерам недоимок, а при определении степени ее усиления вынуждены варьировать эпитетами: «значительно», «резко» и т. п. По такому пути шли и авторы тех работ, на которые ссылается П. Г. Рындзюнский. Одной из важных задач, стоящих в настоящее время перед исследователями, и является углубление наших представ-

лений об интенсивности эксплуатации оброчных крестьян и ее динамике в крепостную эпоху.

В этой связи нельзя не сказать об имеющих место попытках упростить решение этого сложного вопроса. Некоторые исследователи, в том числе и П. Г. Рындзюнский, исходя из того, что ценность ассигнационного рубля в конце XVIII — первой половине XIX в. была очень неустойчивой, полагают, что более правильные представления о степени усиления эксплуатации крестьян можно получить путем пересчета оброка из ассигнаций на серебро. Верно, конечно, что такой пересчет дает более сравнимые данные о размерах оброка. Однако сам по себе этот пересчет ни в коей мере не уточняет наших представлений о том, в какой же степени усилилась эксплуатация крестьян. Не уточняет потому, что не дает ответа на главный вопрос, а именно: какую часть валового продукта или прихода крестьянина этот оброк составляет в тот или иной период. Даже для косвенного и примерного определения количественных изменений нормы эксплуатации необходим учет не только изменения ценности денег, но и обязательно того, как это отражалось на доходах крестьян, т. е., кроме пересчета оброка на более устойчивую валюту, требуется учет еще целого ряда моментов, о которых говорилось выше.

То, что перевод оброка на серебро сам по себе ничего не дает для выявления степени усиления эксплуатации крестьян, хорошо показал П. Г. Рындзюнский. В своей статье он перевел оброк конца XVIII в. в Рязанской и Тамбовской губерниях на серебро. В результате получилось, что с конца XVIII в. до конца 50-х годов XIX в. в Рязанской губернии оброк вырос с 14,58 руб. до 19 руб. на тягло, т. е. на 30%, а в Тамбовской губернии даже сократился с 23 руб. до 21,1 руб. (стр. 57). Едва ли даже сам П. Г. Рындзюнский убежден в том, что этот пересчет что-либо разъяснил. Кроме недоумения и недоверия к имеющимся в источниках данным о размерах оброка, подобные пересчеты сами по себе ничего породить не могут. Представляется, что до тех пор, пока вопрос не будет изучен специально, предпочтительней выражать размеры оброка в конце XVIII — первой половине XIX в. в ассигнациях. Во-первых, вплоть до 50-х годов, как это видно из вотчинной документации, сами современники очень часто вели счет оброка на ассигнации. Во-вторых, и это главное, можно наверняка утверждать, что падение ценности ассигнационного рубля отнюдь не компенсировалось в такой же степени возрастанием денежных доходов крестьян. Очень трудно предполагать, что упавший втройе в ценности ассигнационный рубль доставался крестьянину втройе меньшими усилиями.

Перед исследователями стоит задача выявления интенсивности эксплуатации не только оброчных, но и барщинных крестьян. Методически эта задача решается легче. Пространственное разделение крестьянской и помещичьей запашки позволяет судить об интенсивности эксплуатации крестьян по распределению между крестьянским и помещичьим хозяйством рабочего времени крестьян или производимой ими продукции. К сожалению, выступив против будто бы имеющего место преувеличения роста повинностей крестьян, П. Г. Рындзюнский обошел в этом отношении государственных крестьян и лишь вскользь затронул помещичьих барщинных крестьян, хотя их численность сравнительно с помещичьими оброчными крестьянами была во много раз больше.

Подводя итог критическому рассмотрению вопроса о росте повинностей крестьян, П. Г. Рындзюнский приходит к выводу, что, хотя в ряде районов и имело место введение разорительных повинностей, «нет доказательств, что такая тенденция имела преимущественное распространение» (стр. 59). В этой связи П. Г. Рындзюнский выступает против того мнения, что в результате усиления эксплуатации в ряде районов имела место деградация крестьянских хозяйств и на почве крайне

тяжелого положения крестьян происходило не только относительное, но и абсолютное сокращение численности помещичьих крестьян.

Пытаясь показать несостоятельность этих положений, П. Г. Рындзюнский ставит под сомнение достоверность сведений ревизий о сокращении относительной и абсолютной численности помещичьих крестьян в первой половине XIX в. Ввиду важности этого вопроса остановимся на нем подробней.

Уменьшение численности помещичьих крестьян по ревизиям объясняется П. Г. Рындзюнским тем, что крестьяне, бежавшие от своих помещиков, укрывались от ревизского учета населения. На этом основании делается вывод, что «в сокращении крепостного населения следует видеть не столько показатель регресса, сколько свидетельство восходящих общественных процессов, показатель успешного высвобождения крестьян из крепостнических условий» (стр. 55).

Здесь П. Г. Рындзюнский, во-первых, упустил из виду то обстоятельство, что крестьяне, находившиеся в бегах, как это видно из материалов вотчинных фондов², отнюдь не исключались автоматически из ревизского учета у своих бывших помещиков, ибо ревизские сказки являлись одним из документов, фиксировавших право помещиков на крепостных. Во-вторых, среди непомещичьих крестьян бегство никогда не принимало такого размаха, как среди помещичьих, но тем не менее данные ревизий показывают значительное снижение относительного прироста численности этих категорий крестьян в предреформенные десятилетия. Так, если между 6 и 8 ревизиями среднегодовой прирост мужского населения составлял у этих крестьян 1,73%, то между 8 и 10 ревизиями он равнялся всего 0,90%³. Некоторую роль в этом снижении сыграл переход крестьян в другие сословия. Но основным было падение высоты естественного прироста населения в результате ухудшения положения крестьян.

Наконец, в распоряжении исследователей имеются материалы совершенно иного, чем ревизии, характера, которые подтверждают сокращение высоты естественного прироста населения в первой половине XIX в. Мы имеем в виду данные церковного учета родившихся и умерших среди православного населения. Учет этот, как известно, был весьма неполным, особенно в части регистрации умерших. При использовании указанных данных это необходимо учитывать. А. Г. Рашин, специально изучавший этот вопрос, пришел к выводу, что в течение всей первой половины XIX в. недоучет умерших составлял примерно 12–13%, а для первого 30-летия был значительно выше⁴. Этот поправочный коэффициент требует уточнения. Вывод А. Г. Рашина был получен путем сопоставления прироста населения по ревизиям и церковному учету. Однако в силу того, что А. Г. Рашин значительно завысил численность населения на исходную дату своих расчетов (1811 г.), он увеличил имевший место недоучет умерших⁵. Если внести соответствующие корректизы, то положение будет таким: Для периода до 40-х годов поправка на недоучет смертности должна составлять примерно

² См. напр., ЦГИАЛ, ф. 1288, Шереметевых, оп. 21, д. 1598, л. 9; д. 2206, лл. 8, 16–17; д. 5496, лл. 3–3об., 11. Материалы о беглых крестьянах.

³ Подсчитано по данным А. Г. Рашина (А. Г. Рашин. Население России за 100 лет. (1811–1913 гг.), М., 1956, стр. 34).

⁴ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 40–41.

⁵ А. Г. Рашин ошибочно принял сведения о населении в работе Е. Зябловского «Статистическое описание Российской империи» (изд. II, СПб., 1815) за данные 6 ревизии 1811 г. В действительности они никакого отношения к 6 ревизии не имеют. Впервые эти данные Зябловский опубликовал в работе «Землеописание Российской империи для всех состояний» (ч. I–VI, СПб., 1810) и относил их к началу XIX в. Происхождение этих данных неясно. Губернаторские отчеты дают для начала века другие сведения. Вероятно, это какой-то собственный расчет Зябловского или другого, не известного нам лица. По 49 губерниям данные Зябловского превышают численность всего населения по 6 ревизии, указанную К. Германом (К. Герман. Статистические исследования относитель-

10% (несколько больше для начала и меньше для конца периода). Для 40—50-х годов поправок можно не делать.

В нижеследующей таблице 1 приведены показатели о соотношении родившихся и умерших по десятилетиям⁶.

Данные таблицы говорят о ярко выраженном сокращении относительного прироста населения с 30-х годов XIX в., которое происходило прежде всего в результате резкого повышения смертности в годы неурожаев и эпидемий. Так, наиболее высокая смертность была в 1812, 1813, 1821, 1822, 1830, 1831, 1833, 1835, 1847, 1848, 1849, 1851 гг.⁷. Исключение здесь составляют 1812 и 1813 гг., когда убыль населения произошла в результате войны. Остальные — это неурожайные и последующие за ними годы⁸, а также годы эпидемий. В периоды массовых бедствий в самом тяжелом положении оказывались помещичьи крестьяне. Этим и объяснялось сокращение относительной и абсолютной их численности.

Следовательно, у нас нет оснований сомневаться в правильности выводов советских исследователей о том, что сокращение относительной и абсолютной численности помещичьих крестьян по данным ревизий свидетельствует об ухудшении положения помещичьих крестьян в первой половине XIX в., и прежде всего в 30—50-х годах. Попытка П. Г. Рындзюнского опровергнуть эти выводы так же не обоснована, как и его отрицание разорительного характера крестьянских повинностей. А это значит, что остается недоказанным главный тезис П. Г. Рындзюнского — о преобладании «восходящих токов» в развитии крестьянского хозяйства в первой половине XIX в.

В период кризиса крепостнической системы господствующими для крепостнических форм хозяйства были явления застоя и упадка. В этом и состояло экономическое выражение кризиса. Доказательством застоя и упадка крепостнических форм хозяйства служит не только сокращение естественного прироста населения и уменьшение абсолютной численности помещичьих крестьян. Об этом свидетельствуют снижение уровня основных отраслей сельскохозяйственного производства в предреформенный период, упадок крестьянского хозяйства и ухудшение положения крестьян, разорение помещичьего хозяйства. В данном случае нет необходимости приводить соответствующие многочисленные факты, накопленные советскими историками. Они хорошо известны. К сожалению, П. Г. Рындзюнский не высказал своего отно-

но Российской империи, ч. 1. О народонаселении, СПб., 1819), на 3 893,6 тыс. человек, т. е. более чем на 10% к данным Германа. Ясно, что указанный просчет повлиял на многие выкладки А. Г. Рашина о движении населения в первой половине XIX в., и это следует иметь в виду, пользуясь его работой.

⁶ Таблица составлена по данным А. Г. Рашина (А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 40). Для 1811—1820 гг. количество умерших было увеличено на 15%, для 1821—1830 гг. — на 12% и для 1831—1840 гг. — на 5%. Заметим, что приводимое соотношение родившихся и умерших не является показателем высоты естественного прироста, но динамика этого соотношения отражает направление динамики естественного прироста. Это очевидно из сравнения приводимых данных (даже с поправками) с движением высоты естественного прироста населения в это время (см. А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 38). Мы предпочли оперировать указанным соотношением в силу того, что в показателях высоты естественного прироста за рассматриваемое время могли быть неточности из-за отсутствия полноценных ежегодных данных о количестве населения, которые необходимы для определения естественного прироста.

⁷ См. «Сб. статист. сведений о России, издаваемых statist. отд. Русск. географ. об-ва», кн. III, СПб., 1858, стр. 442—443, 450—451; «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые статистическим отделением Совета Министерства внутренних дел», т. 2, СПб. 1841, стр. 219—221.

⁸ См. «Сб. статист. сведений о России, издаваемых statist. отд. Русск. географ. об-ва», кн. III, стр. 471—473.

ТАБЛИЦА 1

Годы	Превышение числа родившихся над числом умерших (в %)
1811—1820	31,1
1821—1830	38,5
1831—1840	29,1
1841—1850	26,2
1851—1860	32,9

шения к ним и ограничился лишь критикой данных о росте оброка и движении народонаселения в помещичьей деревне.

Разумеется, факт преобладания в экономическом развитии деревни явлений застоя и упадка совсем не означал некоего всеобщего регресса в развитии производительных сил. И опасение П. Г. Рындзюнского, что признание преобладания в экономике деревни явлений застоя и упадка не оставляет места «становлению высвобождающегося от крепостной зависимости и сохраняющего в основном докапиталистический характер крестьянского хозяйства» (стр. 55), не имеет оснований.

Никто не утверждает, что в экономическом развитии русской деревни имела место только деградация. Все показывает наличие двух тенденций — с одной стороны, упадок крепостнических, а с другой, — успешное развитие мелкотоварных и капиталистических форм хозяйства. Об этом в той или иной мере идет речь и в работах, которые П. Г. Рындзюнский подвергает критике. Необходимо подчеркнуть при этом, что большинство исследователей говорит именно о прогрессе мелкотоварного крестьянского хозяйства. Это хозяйство развивалось не только у государственных и помещичьих оброчных, но и у барщинных крестьян, разумеется, в несравненно более скромных масштабах. Но положение в целом было таково, что в соотношении двух тенденций брала верх тенденция к снижению уровня крестьянского хозяйства. Это вполне естественно, ибо основная масса крестьянских хозяйств еще находилась в тисках крепостнических отношений. Там же, где крестьянству удавалось расширить сферу своей хозяйственной деятельности за пределы этих отношений, крестьянское хозяйство даже в условиях господства в стране крепостничества двигалось вперед. В преформенную эпоху были целые районы, в которых в соотношении двух тенденций брала верх тенденция прогресса⁹. Это были как раз те районы, где крепостнический гнет был слабее, хозяйственная деятельность разнообразнее, а потому и больше было возможностей для расширения крестьянского хозяйства за сферу крепостнических отношений, для вовлечения этого хозяйства в мелкотоварные, а затем и капиталистические отношения. Отрицать наличие прогрессивных тенденций в экономике деревни — значит не понимать того, что разложение крепостнических форм хозяйства создавало предпосылки для зарождения новых форм хозяйства, что развитие в недрах феодализма новых отношений и вело крепостническую систему к гибели.

Таким образом, утверждать, что существующие представления об экономическом развитии помещичьей деревни сводят все почти исключительно к явлениям упадка и тем самым не остается места для прогрессивного развития и в частности для роста мелкотоварного уклада, значит односторонне толковать эти представления.

Таким же односторонним подходом к нашей литературе обусловлен и упрек исследователям в том, что они будто бы основу перемен середины XIX в., т. е. экономические предпосылки реформы 1861 г., сводят лишь к явлениям деградации. Из сказанного о тенденциях экономического развития деревни очевидна необоснованность подобных утверждений. Говоря об экономических причинах падения крепостного права, П. Г. Рындзюнский считает необходимым решить вопрос о том, «находились ли они в русле восходящих или нисходящих течений в деревенской экономике...» (стр. 55—56). Думается, что такая постановка вопроса неточна. Эти причины сводились не к одной или другой тенденции, а к тому и другому вместе. Советские историки достаточно кон-

⁹ См., напр., И. Д. Ковалевченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. «История СССР», 1959, № 1, стр. 74—76; Е. Г. Ж. К вопросу о состоянии хозяйства и положении помещичьих крестьян Европейской России в 40—50-х годах XIX в. «Научн. доклады высшей школы», Исторические науки, 1959, № 2, стр. 86 и сл.

крайне раскрыли положение В. И. Ленина о том, что «помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»¹⁰, т. е. показали, что отмена крепостного права была обусловлена и крушением старых и развитием новых форм хозяйства.

Сейчас задача заключается не в том, чтобы решать вопрос — какие тенденции экономического развития (восходящие или нисходящие) привели к отмене крепостного права, этот вопрос решен правильно, а в том, чтобы конкретно раскрыть проявление этих тенденций во всех сферах хозяйственной деятельности, во всех типах и формах хозяйства с учетом районной и другой специфики. Точно так же и в более широком плане задача исследователей состоит не в том, чтобы свести экономическое развитие страны в первой половине XIX в. к восходящей или нисходящей тенденции. Наличие обеих тенденций доказано. Теперь необходимо выяснить, каково было соотношение и проявление этих тенденций в различных отраслях и формах хозяйства в те или иные периоды времени в тех или иных районах и в стране в целом. Применительно к явлениям прогрессирующего развития в особенности необходимо выявление социальной основы этого прогресса. Ведь этот прогресс мог иметь место и в крепостническом, и мелкотоварном, и капиталистическом производстве. Надо показать, каковы были роль и удельный вес этих форм хозяйства в развитии общественного производства, где, когда, почему и как происходил переход от одного к другому из этих качественно отличных типов хозяйства. Наиболее целесообразным представляется изучение всех этих явлений в их совокупности, ибо только так они и могут быть правильно поняты и оценены.

Все рассмотренные построения П. Г. Рындзюнского имеют своей целью доказать, что в первой половине XIX в. крепостнический режим «не перечеркивал рост мелкотоварного производства» (стр. 61). Как мы видели, для доказательства этого нет нужды подвергать коренному пересмотру существующие представления о тенденциях социально-экономического развития России в предреформенный период.

Рассмотрев вопрос о том, в какой мере крепостнические отношения допускали развитие мелкотоварного производства, П. Г. Рындзюнский переходит к доказательству того, что в дореформенный период «и второй ограничивающий момент (капиталистическое перерождение деревни) по своей слабости еще в небольшой степени утеснял мелкотоварный уклад» (стр. 61). С рядом высказанных в этой связи положений П. Г. Рындзюнского также не представляется возможным согласиться.

Прежде всего здесь вызывает недоумение само утверждение П. Г. Рындзюнского будто бы в нашей литературе господствует мнение о том, что «деревня вы свобождалась из крепостнического подчинения, лишь уже подвергшись капиталистическому перерождению» и что «еще до реформы мелкое товарное производство потеряло свое передовое значение по отношению к феодальной системе» (стр. 53). Насколько нам известно, в последнее время никто из исследователей не пытался обосновать подобный тезис.

Далее нельзя согласиться с предложением при анализе расслоения крестьянства прежде всего уделять внимание росту товарности крестьянского хозяйства, а не показателям, которые характеризуют хозяйственную состоятельность крестьян (скот, инвентарь и прочее) и характер их хозяйства (наем и продажа рабочей силы и т. п.). Выявление степени товарности крестьянского хозяйства очень важно при изучении расслоения крестьян. Степень втянутости в товарноденежные от-

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

ношения определяла глубину расслоения крестьянства. Но показатели товарности крестьянского хозяйства сами по себе не раскрывают характера хозяйственных различий в среде крестьянства. Для этого необходим учет всей совокупности данных о крестьянском хозяйстве и прежде всего выявление социально-экономической основы хозяйства различных групп крестьянства.

Рассматривая вопрос о связи крестьянского хозяйства с рынком, П. Г. Рындзюнский все свои усилия направляет на доказательство того, что эта связь была в первой половине XIX в. крайне ничтожной (стр. 60—61). Конечно, не следует преувеличивать товарность крестьянского хозяйства в дореформенное время. В ряде районов она была, особенно у барщинных крестьян, крайне низкой и хозяйство крестьян имело еще патриархальный характер. Но нельзя и не видеть растущую связь крестьянства с рынком, интенсивное превращение натурального хозяйства крестьян в товарно-денежное. Ведь то обстоятельство, что в том или ином районе крестьянский хлеб оставался под снегом или его пожирали мыши, не должно закрывать другие, несравненно более важные факты. А они говорят о том, что крестьянское хозяйство все более и более выходит за рамки, присущие классическому натуральному хозяйству. Приведем один пример. В Рязанской и Тамбовской губерниях в 40—50-х годах XIX в. крестьянство давало только для вывоза за пределы губерний, по самым минимальным расчетам, в среднем в год примерно 1 млн. четвертей хлеба¹¹. Это составляло 10% к валовому сбору крестьянских хлебов. Если учесть, что продажи на местном рынке также были значительны и подойти к высоте товарности исторически, то станет очевидным, что здесь имела место не просто продажа излишков натурального хозяйства, но и значительное производство для рынка. Заметим кстати, что с экономической точки зрения не имеет значения, продавал ли крестьянин излишки хлеба или необходимый ему хлеб. Важен сам факт систематической связи крестьянского хозяйства с рынком. Между тем П. Г. Рындзюнский почему-то полагает, что только продажа излишков является признаком перерастания натурального хозяйства в денежное и, видимо, поэтому к товарным хозяйствам склонен относить лишь те, в которых продажа имеет предпринимательский характер (стр. 60—61), т. е. расчитана на получение прибыли.

Что касается вопроса об исчислениях исследователями товарных излишков хлеба у крестьян, опровержению правомерности которых П. Г. Рындзюнский уделяет большое внимание, то следует сказать, что такие исчисления вполне возможны там, где имеются сведения о продаже крестьянами хлеба. Абсолютизировать этот прием не следует, но и вовсе его отрицать также нет оснований.

Обобщая свои наблюдения по вопросу о развитии товарного производства в крестьянском хозяйстве и о расслоении крестьян в первой половине XIX в., П. Г. Рындзюнский приходит к выводу, что в это время «товарное производство не могло интенсивно развиваться, а имущественное неравенство крестьян не могло перерастать в социальное расслоение» (стр. 60).

Таким образом, итог получился противоположным тому, что предполагалось доказать. Если сколько-нибудь интенсивного развития мелкотоварного уклада в дореформенной деревне не было, а перерастание мелкотоварного производства в капиталистическое отсутствовало вовсе, то каким образом сотни и тысячи крестьян превратились в крупных мануфактурристов, торговцев, капиталистических предпринимателей в земледелии, многие из которых перешли в купечество? Что же тогда

¹¹ См. И. Д. Ковалевченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в., М., 1959, стр. 60, 104.

разлагало крепостническую систему хозяйства и каким образом в крепостной России оформился капиталистический уклад? Где же тогда те «восходящие токи», господство которых так настойчиво отстаивает П. Г. Рындзюнский, связывая их с развитием мелкотоварного производства?

У нас нет возможности рассматривать здесь вопрос о том, насколько далеко зашло в дореформенный период развитие мелкотоварного производства и социальное расслоение крестьянства. Это задачи специального исследования. Несомненно лишь, что и то и другое имело место. И если было бы ошибкой утверждать, что крестьянство еще в крепостную эпоху в основной своей массе уже потеряло облик феодального класса, то не меньшей ошибкой является и отрицание всякого проявления социального, капиталистического по своему характеру, расслоения в дореформенной деревне. Без наличия такого расслоения в крепостной России не мог бы оформиться капиталистический уклад, а то, что этот уклад оформился, едва ли кто-либо станет отрицать. Одной из первоочередных задач нашей науки и является сейчас всестороннее изучение развития товарно-денежных отношений в деревне и расслоения крестьянства в дореформенной России на основе привлечения источников по различным категориям крестьянства и разным хозяйственным районам. Прежде всего здесь следует обратить внимание на помещичью деревню, для которой эти процессы исследованы несравненно слабее, чем для государственной.

Как видим, и в характеристике развития мелкотоварного производства и расслоения крестьянства основные выводы П. Г. Рындзюнского требуют к себе критического отношения.

Таков тот круг вопросов, которые затрагивает в той или иной степени П. Г. Рындзюнский в связи с постановкой вопроса о мелкотоварном укладе в первой половине XIX в. Этот круг далеко выходит за рамки проблем, связанных непосредственно с мелкотоварным укладом. Собственно о мелкотоварном укладе в этой части статьи говорится едва ли не меньше всего. Конечно, вполне закономерна и оправдана широкая постановка вопроса о мелкотоварном укладе, особенно если иметь целью привлечь внимание исследователей к этой проблеме. Вполне закономерно и стремление критически и творчески подойти к существующим концепциям социально-экономического развития России в это время и внести свои поправки к имеющимся представлениям. Но особенностью статьи П. Г. Рындзюнского является то, что в ней отвергаются или ставятся под сомнение многие принципиальные представления о социально-экономическом развитии деревни этого времени.

П. Г. Рындзюнский не принимает выводов об основных тенденциях экономического развития деревни и соотношений этих тенденций, о предпосылках реформы 1861 г., об экономических основах резкого обострения классового антагонизма и борьбы крестьянства. Он подвергает сомнению данные об интенсивном усилении эксплуатации крестьянства, об относительном и абсолютном сокращении численности помещичьих крестьян. Он отрицает наличие значительного по своим масштабам развития товарного производства в деревне и возможность социального расслоения крестьянства. Построения П. Г. Рындзюнского в первой части статьи крайне противоречивы. Поставив задачу доказать господство «восходящих токов», он в итоге сам же закрыл все пути для их проявления.

Во второй части статьи П. Г. Рындзюнский поставил цель «подойти к разрешению вопроса об интенсивности и характере развития мелкотоварного уклада в сельском хозяйстве различных областей России» (стр. 53). Заметим сразу же, что речь идет об определении роли мелкотоварного уклада в экономике деревни, а не о выявлении весомости и значения «средних слоев» в общественной жизни стра-

ны. Более конкретно задача сводилась к показу того, что «на смену феодально-крепостническому строю в деревне утвердился строй мелкотоварный, как численно преобладающий» и что, если в первом периоде пореформенной эпохи «преобладал процесс становления мелкотоварного уклада, то во втором брал верх процесс становления капиталистических отношений» (стр. 63). Нет слов, выдвинутая задача чрезвычайно важна. П. Г. Рындзюнский привлек очень интересный материал. Но, к сожалению, поставленные вопросы остались нерешенными, так как приведенные в статье данные не дают на них убедительного ответа. Представляется, что причины этого заключаются в методических прорывах.

П. Г. Рындзюнский останавливается на анализе соотношения численности мелких и средних (до 20 десятин) и крупных (свыше 20 десятин) земельных владений, а также данных о приобретении крестьянами земли в частную личную собственность в 1863—1892 гг.¹². П. Г. Рындзюнский полагает, что эти показатели «дают наиболее обобщающие признаки успехов развития данного уклада» (стр. 70). Это не так. Что касается данных об изменении доли мелких и средних земельных владений в общей их массе (все равно о частных или надельных владениях идет речь), то для определения удельного веса мелкотоварного уклада в экономике этих данных недостаточно. Здесь необходимо еще знать объем землевладения. Ведь так же, как нельзя судить, например, о доле в промышленном производстве мелких предприятий просто по их количеству, невозможно по числу владений определить вес мелкотоварного производства в сельском хозяйстве. Другое, конечно, дело, если речь идет о соотношении численности различных социальных слоев, определении их роли в общественной жизни. Здесь данные о количестве владений говорят больше. Однако и в этом случае, как это хорошо известно, количество далеко еще не определяло значимости и влияния. К тому же данные о числе владельцев без объема землевладения не раскрывают остроты того антагонизма, который был характернейшей чертой аграрных отношений в капиталистической России. Короче, если мы правильно поняли задачу, поставленную П. Г. Рындзюнским, она не решена. Если же цель состояла в другом, следовало ее четко определить.

Что же касается данных о покупке крестьянами земли в личную собственность, то этот показатель можно привлекать для выяснения изменения удельного веса мелкотоварного уклада очень осмотрительно. Покупка земли — это явление, характерное прежде всего для предпринимательского крестьянского хозяйства. П. Г. Рындзюнский не проявил нужной осторожности. Он полагает, что крестьянские покупки размером до 25 десятин отражают тенденции в развитии мелкотоварного уклада. С этим нельзя согласиться. Это очевидно, например, из данных, которые приводит В. И. Ленин. Так, в Днепровском уезде Таврической губернии купчая земля составляла у беднейшего и среднего крестьянства всего до 0,9 десятин на двор. Даже у крестьян, сеющих 25—50 десятин, покупная земля составляла всего 2,3 десятины на двор. В Орловской губернии купчая и арендованная земля составляла у беднейшего и среднего крестьянства до 3,7 десятины, а зажиточного — 13,2 десятины на двор. В Воронежской губернии купчая и арендованная

¹² В статье П. Г. Рындзюнского имеется неясность (стр. 64—65). В тексте и названии таблицы говорится о том, что имеется в виду число владений частного личного землевладения. В самой же таблице речь идет о владельцах частных и надельных земель. Вероятнее всего, это — описка. Если же нет, то возникает вопрос, каким образом в 1877 г. было определено количество надельных владений размером до 20 десятин. Примых данных для этого в упоминаемом источнике нет. Кроме того, если все же речь идет о частном личном землевладении, то неясно, почему взяты лишь 37 губерний. Имеются сведения по 49 губерниям. Указанные недоразумения затрудняют использование ~~использование~~ данных.

земля составляла у беднейшего и среднего крестьянства до 2,8 десятины, а у зажиточного — 16,1 десятины на двор. В Нижегородской губернии соответственно приходилось 7,8 и 18,2 десятины купчей и арендованной земли на 1 двор¹³. Как видим, везде, даже у зажиточных крестьян, покупная земля составляла на двор участки, далеко не достигавшие по своим размерам 25 десятин. Есть основания полагать, что перед нами типичная картина, и исключений из нее вроде, например, Самарской губернии¹⁴ было немного. Поэтому, несмотря на большой интерес приводимых данных, по ним нельзя судить о тенденциях развития мелкотоварного уклада¹⁵.

Таким образом, данные, которые приводятся П. Г. Рындзюнским во второй части статьи, хотя и представляют большой интерес, однако не дают без соответствующих уточнений и дополнений ясных ответов на поставленные вопросы. Здесь необходимо продолжить начатую важную и большую работу.

Естественно возникает вопрос, в чем причины того, что П. Г. Рындзюнский выдвигает ряд положений, с которыми нельзя согласиться, а его построения так противоречивы? Думается, что проистекает это из противоречивости его исходных положений, из не совсем четкого, на наш взгляд, понимания некоторых вопросов разложения феодализма и генезиса капитализма в деревне вообще и сущности мелкотоварного уклада в изучаемую эпоху в частности.

Настойчиво выделяя тезис о господстве в экономическом развитии деревни в эпоху разложения феодально-крепостнической системы «восходящих токов», П. Г. Рындзюнский, вероятно, исходит из того, что всякое движение вперед в общественном развитии может происходить лишь на основе прогрессивных экономических тенденций. Это положение, безусловно, правильно. Однако П. Г. Рындзюнский понимает его недостаточно четко. Он толкует его таким образом, что тенденции прогрессивного развития должны быть господствующими количественно. Но теоретически вполне допустимо такое положение, когда в соотношении различных тенденций экономического развития берет верх тенденция застоя и упадка. Это может быть в том случае, если исторически изжившая себя система хозяйства исчерпала все свои возможности в развитии общественного производства, но остается еще количественно преобладающей формой организации общественного производства. Именно так и обстояло дело в деревне в период кризиса крепостничества. Это нисколько не означает того, что в основе прогрессивных социальных перемен лежали лишь явления деградации, как думает П. Г. Рындзюнский. Не означает потому, что какое бы широкое распространение не получили явления регресса, им всегда будет противостоять тенденция прогрессивного экономического развития. Диалектика исторического развития при переходе от феодализма к капитализму была такова, что одни и те же факторы вели и к разложению старых форм хозяйства и к зарождению новых. Рост общественного разделения труда обусловил на определенной ступени широкое развитие разных форм товарного производства. Это явилось исходной основой и разложения феодально-крепостнических форм хозяйства и зарождения в

¹³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 50, 86, 89, 92. Указанные размеры покупной и арендованной земли в Орловской, Воронежской и Нижегородской губерниях получены нами путем исключения из общего землепользования крестьян надельной земли.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 64.

¹⁵ Справедливости ради укажем, что в использованном П. Г. Рындзюнским источнике отсутствуют районные данные, которые позволили бы выделить покупки размером менее 25 десятин. Выделение покупок меньших размеров возможно лишь в целом по двум полосам (черноземной и нечерноземной). Это, вероятно, и побудило П. Г. Рындзюнского взять покупки размером до 25 десятин. Думается, что лучше было бы оперировать менее районно дифференцированными, но лучше отражающими суть явления, данными.

результате расслоения мелких товаропроизводителей капиталистических отношений.

Думается, что недостаточно диалектическая трактовка вопроса о преобладающих тенденциях экономического развития является одной из причин того, что П. Г. Рындзюнский так настойчиво стремится опровергнуть факты и выводы о широком распространении в деревне первой половины XIX в. явлений застоя и упадка. Мнение о широком распространении этих явлений противоречит его тезису о преобладании «восходящих токов». Но, как видим, тезис этот неубедителен.

Такова одна теоретическая неясность, породившая линию построений, которая не может быть принята. Есть и другие ошибочные исходные тезисы, которые также привели к неверным выводам и построениям.

П. Г. Рындзюнский совершенно прав, подчеркивая, что переход от крепостнического к капиталистическому хозяйству совершается через мелкотоварное производство. Действительно, это последнее является необходимой исходной основой в капиталистической эволюции не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. В. И. Ленин указывал, что «в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое» и отмечал, что первое превращение совершается в силу появления общественного разделения труда, а второе — в результате разложения мелких товаропроизводителей под действием законов товарного производства¹⁶. В этой связи В. И. Ленин считал особенно важным «выделить, проследить и, по мере возможности, учесть именно те признаки, которые свидетельствуют о превращении земледелия из натурального в торговое»¹⁷. Всякая недооценка и тем более игнорирование мелкотоварного производства являются грубым отступлением от исторической действительности, так как лишают капитализм его самой широкой исторической почвы и могут одновременно привести к отождествлению мелкотоварных и капиталистических отношений. За подобные ошибки В. И. Ленин резко критиковал народнических экономистов. Он писал: «Основная теоретическая ошибка г. Н-она в рассуждениях о «капитализации промыслов» состоит в том, что он игнорирует первые шаги товарного производства и капитализма в его последовательных стадиях. Г-н Н-он перепрыгивает прямо от «народного производства» к «капитализму» (т. е. перескакивает через стадию мелкотоварного производства — И. К.), — и потом удивляется, с забавной наивностью, что у него получается капитализм беспочвенный, искусственный и т. д.»¹⁸. У нас порой действительно наблюдается тенденция к отождествлению мелкотоварных и капиталистических отношений, к перепрыгиванию сразу от крепостнического к капиталистическому хозяйству.

Верно рассматривая мелкотоварное производство как основу для развития капитализма, П. Г. Рындзюнский, однако, ошибочно полагает, что отделение крестьянского хозяйства от помещичьего, превращение натурального крестьянского хозяйства в мелкотоварное «может иметь место в том случае, если крестьянин сможет оставить у себя прибавочный продукт» (стр. 55), т. е. когда подати и повинности крестьян в пользу помещика и государства не поглощают всего прибавочного продукта. Другое заблуждение — это утверждение, что «становление капиталистических отношений может иметь место в среде лишь в основном свободных мелких товаропроизводителей» (стр. 63). Это значит, что и мелкотоварный уклад может утвердиться лишь в свободном в основном крестьянском хозяйстве.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 77.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 53.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 296.

Тезис о возможности становления мелкотоварного производства лишь при наличии у крестьянина части прибавочного продукта является главной причиной того, что П. Г. Рындзюнский сомневается в правильности наблюдений исследователей о росте повинностей крестьян, наличии тенденции к разорению крестьянства. Признание преобладания этих явлений означает, если стоять на указанных позициях, резкое ограничение базы для роста мелкотоварного уклада, широкое развитие которого и обуславливает господство «восходящих токов». Думается, что по этой же причине обойден молчанием вопрос о повинностях и платежах крестьян после реформы, о том, что и отмена крепостного права отнюдь не избавила деревню от прогрессирующего разорения крестьянского хозяйства. В итоге мелкотоварный уклад по статье П. Г. Рындзюнского предстает перед нами как некое состояние всеобщего благоденствия, ибо и разорительные тенденции крепостничества были исключением, и капиталистическое расслоение в дореформенную деревню еще совсем не проникло.

Изображение мелкотоварного уклада как такой системы хозяйственных отношений, при которой мелкое производство не разоряется крепостничеством (крестьянин имеет излишек над необходимым продуктом) и еще почти не затрагивается капитализмом, означает не только его идеализацию, но и представляет этот уклад как некую самое себя определяющую систему социально-экономических отношений. В действительности такого мелкотоварного уклада никогда не было. В товарном производстве самом по себе противостояли друг другу не общественные классы, а лишь взаимно независимые продавец и покупатель¹⁹, т. е. в нем как таковом нет того главного, что и определяет самостоятельные стадии в общественном производстве. Место и роль товарного, в том числе и мелкотоварного производства в тот или иной период определяются сущностью господствующего способа производства. Так, в дореформенной России мелкотоварное производство не могло не испытывать сильнейшего воздействия господствующих крепостнических отношений. Не было оно свободно от влияния крепостнических пережитков и после реформы. Что же касается воздействия на мелкотоварное хозяйство производства капиталистического, то здесь вообще не могло быть периода, когда бы мелкотоварное производство не затрагивалось капиталистическими отношениями. Это исключалось самой природой мелкотоварного производства, которое «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»²⁰. Мы убеждены в том, что П. Г. Рындзюнскому все это хорошо известно. И если из его статьи рисуется идеализированный и сам себя определяющий уклад, то к этому, вопреки самому автору, привела ошибочность исходного тезиса, который должен быть отброшен.

Безусловно верно, конечно, что от степени эксплуатации крестьян зависели возможности успешного развития их мелкотоварного хозяйства. Но ведь основой для возникновения мелкотоварного производства было не наличие в руках у крестьянина части прибавочного продукта, а растущее общественное разделение труда. Оно, независимо от того имел или нет крестьянин излишек сверх необходимого продукта, обуславливало превращение натурального крестьянского хозяйства в денежное. Более того, для крепостной эпохи мы знаем не мало случаев, когда именно рост денежных повинностей вынуждал крестьянина формировать связь его хозяйства с рынком. Думается, что ошибочность рассматриваемого тезиса привела П. Г. Рындзюнского и к тому, что товарно-денежным он считает не вообще крестьянское хозяйство, которое уже не может обходиться без рынка, а лишь хозяйство предприни-

¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1959, стр. 592.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 7—8.

матерльское, выступающее на рынке с продуктом, являющимся избыtkом наст продуктом необходимым.

Как мы помним, П. Г. Рындзюнский, начав свою статью с решительной попытки доказать, что крепостнический режим не исключал возможности развития мелкотоварного уклада, пришел затем к выводу о господстве в дореформенной деревне натурального хозяйства, о крайне ничтожном развитии мелкотоварного производства и отсутствии возможностей для социального расслоения крестьянства. Этот на первый взгляд неожиданный вывод логически вытекает из мнения о том, что становление мелкотоварных и капиталистических отношений может иметь место лишь в свободном в основном крестьянском хозяйстве. При такой постановке вопроса иного вывода не может и быть. Однако в действительности как наличие у крестьянина средств сверх необходимых не являлось основой для возникновения мелкотоварного производства, так и наличие свободного крестьянина не было непременным условием для становления мелкотоварного производства и его превращения в капиталистическое. Рост общественного разделения труда неизбежно вел к превращению натурального крестьянского хозяйства в мелкотоварное, а по мере развития этого последнего неизбежно, в силу присущих ему объективных законов, происходило перерастание мелкотоварного производства в капиталистическое, совершилось становление капиталистического уклада. Отсутствие у крестьянина свободы влияло на этот процесс, замедляя его течение и опутывая его перекитками крепостничества, но оно отнюдь не исключало его возможности. Другое дело, что для полного проявления возможностей мелкого хозяйства в развитии производства, для его свободного перерастания в хозяйство капиталистическое, для победы капиталистического способа производства и торжества новой общественно-экономической формации необходима была ликвидация крепостнических отношений и предоставление крестьянам личной свободы и права собственности на средства производства.

Последовательное развитие тезиса о том, что становление капиталистических отношений возможно лишь в основном свободном крестьянском хозяйстве, может привести к отрицанию возможности широкого развития мелкотоварного производства и оформления капиталистического уклада в условиях господства крепостничества. Фактически П. Г. Рындзюнский и склоняется к подобной позиции. Об этом говорит отрижение им широкого развития мелкотоварного производства и возможности перерастания имущественного неравенства в социальное расслоение в первой половине XIX в. Период широкого развития мелкотоварного производства и преобладание этого процесса над становлением капиталистических отношений относится им лишь к пореформенной эпохе. Тем самым, возможно опять-таки вопреки желанию П. Г. Рындзюнского, весь исторически длительный процесс генезиса капитализма в деревне даже в своей исходной стадии, которой и было зарождение мелкотоварного производства, выносится из недр феодальной эпохи в капиталистическую. С этим никак нельзя согласиться и необходимо отвергнуть исходный тезис, ведущий к этому.

* * *

Что же необходимо сделать для выявления места и удельного веса мелкотоварного уклада в экономическом развитии деревни и определения интенсивности его развития в различные периоды времени? Какие имеются материалы для решения этих вопросов?

Прежде всего необходимо отметить, что историки и экономисты еще крайне мало сделали для изучения места и роли мелкотоварного производства в экономике деревни отдельных районов и страны в целом. Введенный в научный оборот фактический материал чаще всего еще

незначителен и отрывочен и пока что не позволяет составить конкретное представление об удельном весе мелкотоварного уклада и его изменении в различные периоды времени. Между тем тенденции развития мелкого производства оказывали большое влияние на ход социально-экономического развития страны, на судьбы, настроения и устремления тех многомиллионных масс населения, которые были связаны с этим производством и играли огромную роль во всей общественной жизни. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть заслугу П. Г. Рындзюнского в постановке перед исследователями важной проблемы.

Всестороннее и глубокое изучение указанных вопросов требует усиления внимания к выявлению тех укладов, которые были присущи крестьянскому хозяйству того или иного времени, и определению их роли и веса. Сейчас исследователи часто ограничиваются слишком общими оценками, избегая количественных показателей. Другим направлением является определение доли мелкотоварного производства в основных отраслях деревенской экономики. Сочетание того и другого и даст в конце концов убедительные ответы на стоящие вопросы.

Источники, которые могут быть привлечены, весьма разнообразны. Прежде всего необходимо развернуть изучение подворных описей крестьянского хозяйства. Для дореформенного времени они содержатся в вотчинных, а также других фондах. Для пореформенного времени должна быть всесторонне изучена земская статистика, содержащая огромное количество материалов подворных описаний. Тем самым откроется возможность глубокого изучения мелкотоварного производства в отдельных хозяйственных единицах и микрорайонах.

Из материалов обобщающего типа в первую очередь следует разработать данные земельных переписей 1877 и 1905 гг., а также конские переписи. Они позволяют выделить различные по своим размерам типы хозяйств и тем самым подойти к определению удельного веса мелкотоварного уклада в эпоху капитализма.

Ниже на основе данных 1877 и 1905 гг. о частном личном землевладении делается попытка выявления некоторых тенденций развития мелкотоварного уклада в одной из частей деревенской экономики. Предпринимая эту попытку, автор далек от мысли, что проделанная работа решает большой и сложный вопрос. Наша цель заключается не в решении проблемы — сделать это можно лишь в результате кропотливой работы многих исследователей, — а в привлечении внимания к некоторым источникам, дающим ценный материал, и к одному из возможных путей решения вопроса. Кроме того, с самого начала оговоримся, что, во-первых, речь идет о выявлении роли мелкотоварного уклада лишь в экономике. Во-вторых, характер развития мелкого и среднего частного личного землевладения, о котором будет идти речь, может и не отражать общих тенденций развития мелкотоварного производства в указанное время. Частное личное землевладение было наиболее подвижным не только сравнительно с надельным, но и частным землевладением обществ и трактиществ. И главное, мелкое и среднее частное личное землевладение составляло очень небольшую долю в общем объеме мелкого и среднего землевладения. Так, в 1905 г. общее количество мелких и средних владений, т. е. владений размером до 20 десятин, равнялось 11,5 млн., а их землевладение составляло 90 млн. десятин²¹. Из них в частном личном владении находилось 516 тыс. владений с общим количеством земли 3,2 млн. десятин²². Ясно, что выводы о развитии мелкотоварного уклада в частном личном землевладении не следует толковать расширительно.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 204; т. 15, стр. 135.

²² «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», СПб., 1907, стр. 78—79.

В нижеследующей таблице 2 приведены районные данные по 49 губерниям Европейской России о движении по земельным переписям 1877 и 1905 гг. частного личного землевладения размером до 20 десятин²³. Изменения в этом землевладении отражают тенденции в развитии мелкотоварного уклада.

Остановимся вначале на выявлении изменений абсолютных размеров мелкотоварного производства в конце XIX — начале XX в. С 1877 по 1905 г. по 49 губерниям число владений размером до 20 десятин выросло на 66,6% (с 309 до 515 тыс.). Общее число частных личных владений возросло за это время на 52,5% (с 487 до 742 тыс.), т. е. рост мелкотоварных владений был более интенсивным. Количество земли у мелкотоварных владельцев увеличилось на 63,3% (с 1 963,8 тыс. до 3 207,5 тыс. десятин), т. е. в такой же степени, как и число владений. Общий же объем частного личного землевладения уменьшился на 6,9% (с 90 115,6 тыс. до 83 891,5 тыс. десятин). Это было результатом того, что часть проданных дворянских земель перешла в частную собственность обществ и товариществ и вышла таким образом из сферы частного личного землевладения.

ТАБЛИЦА 2

Частное личное мелкое и среднее (до 20 десятин) землевладение в 1877 и 1905 гг

Районы	1905 г. в % к 1877 г.		Доля владений до 20 десятин в общем объеме частного личного землевладения (в %)			
	по числу владений	по землевладению	по числу владений		по землевладению	
			1877 г.	1905 г.	1877 г.	1905 г.
I Северный	328,4	261,4	73,3	87,9	6,5	10,5
II Северо-западный	205,7	186,3	58,4	66,5	2,6	4,8
III Прибалтийский	598,3	695,9	11,8	36,3	0,3	2,1
IV Западный	163,4	166,1	55,0	57,8	2,0	3,4
V Центрально-промышленный	99,0	104,4	73,8	70,6	5,4	6,6
VI Центрально-черноземный	134,1	145,0	65,8	69,9	3,2	5,1
VII Средневолжский	157,5	161,8	52,0	59,5	1,3	2,5
VIII Украинский левобережный	257,1	244,7	69,8	83,8	4,2	13,0
IX Юго-западный	178,7	166,8	63,6	69,5	1,6	2,9
X Южный степной	189,4	209,2	49,0	52,7	0,5	1,1
XI Юго-восточный степной	84,0	122,6	40,4	35,7	0,4	0,5
XII Приуральский	148,8	148,0	42,8	56,1	0,2	0,4
Всего по 49 губерниям	166,6	163,3	63,5	69,4	2,2	3,8

В районы вошли следующие губернии: I — Архангельская, Олонецкая, Вологодская; II — Петербургская, Новгородская, Псковская; III — Лифляндская, Курляндская, Эстляндская; IV — Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская, Виленская, Гродненская, Коенская; V — Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская; VI — Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская; VII — Казанская, Симбирская, Пензенская; VIII — Черниговская, Полтавская, Харьковская; IX — Киевская, Волынская, Подольская; X — Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская; XI — Саратовская, Самарская, Оренбургская, Астраханская; XII — Вятская, Пермская, Уфимская.

Порайонно мы наблюдаем такую картину. Абсолютное число мелкотоварных владений выросло во всех районах, кроме двух. Объем мелкотоварного землевладения расширился во всех районах. Наиболее значительным был рост и того и другого на Севере, Северо-западе, в Прибалтике и Левобережной Украине.

²³ «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России»: «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I—VIII, СПб., 1880—1885. В табл. 2 не вошли данные об общем числе частных личных владений и их землевладении. Приводимые в тексте сведения об этом получены в результате обработки указанных источников.

Сокращение числа владений произошло в Центрально-промышленном (на 1,0%) и Юго-восточном степном (на 16,0%) районах. Здесь был наименьшим и рост объема мелкотоварного землевладения (в первом районе — 4,4%, во втором — 22,6%). Объяснение этому явлению, вероятно, следует искать в более глубоком развитии здесь земледельческого капитализма.

Размещение мелкотоварных владений по территории страны было неравномерным. Особенно много их было на Севере, в Промышленном центре и Левобережной Украине. В 1905 г. в этих районах находилось 50,2% всех владений размером до 20 десятин (258,7 тыс. из 514,8 тыс. десятин) и 44,5% всего мелкотоварного землевладения (1427,9 тыс. из 3207,5 тыс. десятин).

Факт абсолютного роста частного личного мелкотоварного землевладения в рассматриваемое время был вполне закономерным явлением в условиях, когда в земледелии еще не только не было решительного господства крупного капиталистического хозяйства, но и широко были распространены полукрепостнические формы хозяйства. Разумеется, ни о какой устойчивости мелкого производства не может быть при этом и речи. На смысле и значении этого явления мы остановимся ниже. А сейчас перейдем к выяснению, в каком направлении изменялся удельный вес мелкотоварного уклада в частном личном землевладении.

Владения размером до 20 десятин составляли основную массу хозяйств в частном личном землевладении. В 1877 г. на их долю приходилось 63,5% всех владений, а в 1905 г. — 69,4%, т. е. удельный вес мелкотоварных владений заметно повысился. Наиболее высокой доля мелкотоварных владений была в рассматриваемое время в Северном, Центрально-промышленном и Украинском левобережном районах. Это были районы, в которых абсолютное количество этих владений было наибольшим. Доля владений размером до 20 десятин изменялась по районам в направлении, соответствующем динамике их абсолютной численности. В десяти районах эта доля с 1877 по 1905 г. возросла. Наиболее существенным было увеличение в Северном, Прибалтийском, Украинском левобережном и Приуральском районах. Снижение удельного веса мелкотоварных владений имело место в Центрально-промышленном и Юго-восточном степном районах, т. е. там, где наблюдалось падение их абсолютной численности.

Мелкотоварным владениям, составлявшим основную массу всех частных личных владений, принадлежала очень небольшая доля в землевладении этого типа. Так в 1877 г. на 63,5% владений приходилось 2,2% частного личного землевладения, в 1905 г. 69,4% владений имели 3,8% земли. Перед нами тот острейший антагонизм российских аграрных отношений, который заключался в том, что численно подавляющая масса хозяйств владела незначительной частью земли.

Доля частного личного землевладения размером до 20 десятин за рассматриваемое время существенно возросла. Этот рост имел место во всех районах. Наибольшим он был в Прибалтике и на Левобережной Украине, а наименьшим — в Промышленном центре и на Юго-востоке. В частном личном землевладении районная динамика относительного веса мелкотоварного землевладения в целом соответствовала динамике его абсолютных размеров.

Чем же объяснялся и о чем свидетельствовал рост удельного веса мелкотоварных хозяйств и их землевладения? Думается, что ответ на эти вопросы следует искать в общих закономерностях и особенностях аграрных отношений в России в эпоху капитализма. Как известно, основная масса земель частного личного землевладения принадлежала дворянству. Пореформенная эпоха характеризовалась сокращением привилегированного дворянского землевладения и переходом помещичьих земель в руки купечества, мещан, и особенно крестьянства. Естественно, что это привело к росту удельного веса мелкотоварных хозяйств и их землевладения.

венно, что это должно было привести к росту доли мелкотоварных хозяйств и удельного веса их землевладения прежде всего в сфере самого частного личного землевладения. Процесс этот был, безусловно, прогрессивным, но он, как уже отмечалось, отнюдь не говорит об устойчивости мелкого производства. Явление это свидетельствует о том, что в России, в силу отсталости аграрных отношений и недостаточного развития земледельческого капитализма, еще и в начале XX в. мелкотоварное хозяйство далеко не исчерпало всех своих возможностей в развитии сельскохозяйственного производства. Это хозяйство и свободное его развитие объективно-экономически представляли собой наилучшую основу для максимально быстрого и наименее тяжелого для трудящихся масс капиталистического прогресса в деревне. Именно из этой экономической предпосылки и исходила ленинская аграрная программа, требовавшая ликвидации помещичьего землевладения и передачи всей земли крестьянам. Именно за это и вело сгихийную борьбу крестьянство в течение всей пореформенной эпохи и особенно грозно и бурно в годы революции 1905—1907 гг.

Мы рассмотрели данные, которые отражают развитие мелкотоварного уклада в конце XIX—начале XX в. лишь в одной из частей деревенской экономики. При том такой, где мелкотоварное хозяйство, т. е. хозяйство, основанное почти исключительно на собственном труде, играло очень небольшую роль сравнительно, например, со сферой надельного землевладения. Ясно, что отмеченный здесь характер динамики мог и не быть типичным для развития мелкотоварного производства в деревне в целом. Выявление общей картины — задача, которую надлежит решить. Многое здесь могут раскрыть данные тех же земельных переписей 1877 и 1905 гг. о надельном землевладении. Однако не исключено, что и в общем объеме земледельческого производства удельный вес мелкотоварного уклада во второй половине XIX в. в целом еще возрастил. Что такое положение могло иметь место, показывает тот результат, который получился при определении удельного веса беднейшего и среднего крестьянства в земледельческом производстве в 80—90-х годах XIX в.

Соответствующий расчет был сделан следующим образом. В материалах комиссии 16 ноября 1901 г. имеются сведения о посевах зерновых и картофеля на частновладельческих и надельных землях (в последние были включены и частные земли обществ и товариществ). Здесь были взяты данные о посевах на этих землях по 50 губерниям Европейской России за 80 и 90-е годы²⁴. Для определения доли в посевах беднейшего и среднего крестьянства из посевов на надельных землях была исключена часть, приходящаяся на зажиточное крестьянство. Для определения этой части были использованы итоги, полученные В. И. Лениным при анализе военно-конских переписей²⁵. В 1888—1891 гг. на зажиточное крестьянство приходилось 56,4% всех лошадей, в 1896—1900 гг.—51,2%. Мы приняли для 80-х годов долю зажиточного крестьянства в посевах на надельных землях, равной 55,0%, а для 90-х годов — 51,0%²⁶. Исходя из этого, были определены размеры посевов беднейшего и среднего крестьянства. К ним были прибавлены посевы мелких и средних хозяйств (т. е. хозяйств до 20 десятин) на частных землях. Размер этих посевов, исходя из установленной выше

²⁴ «Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. I, СПб., 1903, стр. 176—177.

²⁵ В. И. Ленин Соч., т. 3, стр. 117.

²⁶ Для 80-х годов доля зажиточного крестьянства в посевах взята несколько меньшей, чем доля принадлежавших ему лошадей, исходя из того, что обеспеченность этих крестьян лошадьми была в это время несколько выше действительных потребностей земледельческого производства (См. В. И. Ленин. Соч., т. 3 стр. 118).

доля мелкотоварного землевладения на частных личных землях, был принят равным для 80-х годов 2,5% посевов на частных землях, а для 90-х годов — 3,5%. Полученный таким образом общий размер посевов мелких и средних хозяйств, крестьянских и некрестьянских, был сопоставлен с общей площадью посевов (см. табл. 3).

ТАБЛИЦА 3

Доля мелкого и среднего хозяйства в посевах хлебов и картофеля по 50 губерниям Европейской России (в среднем в год)

Посевы	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.
Площадь всех посевов (в тыс. десятин)	61 482,7	64 697,9
В том числе:		
на надельных землях	44 792,7	46 015,7
на частных землях	16 690,0	18 682,2
Посевы мелких и средних хозяйств (в тыс. десятин)		
на надельных землях	20 156,7	22 547,7
на частных землях	417,3	653,9
Всего	20 574,0	23 201,6
Посевы мелких и средних хозяйств в % к общей площади посевов	33,5	35,9

Во-первых, если посевы мелких и средних хозяйств относить к мелкотоварному укладу, то на этот уклад в конце XIX в. приходилась примерно лишь треть земледельческого производства. В экономике деревни мелкое и среднее хозяйство, или, можно сказать иначе, хозяйство беднейшего и среднего крестьянства, было отодвинуто на задний план капиталистическим и полукрепостническим хозяйством. И хотя с мелкотоварным производством были связаны судьбы многих миллионов населения страны и это производство еще далеко не исчерпало себя в развитии общественного производства, отнюдь не оно определяло закономерности развития земледельческого производства и аграрных отношений.

Незначительный удельный вес беднейшего и среднего крестьянства в земледельческом производстве 80—90-х годов дает основание полагать, что и в первые пореформенные десятилетия мелкотоварный уклад в этом производстве не был численно преобладающим. Выдвинутый П. Г. Рындзюнским тезис о преобладании этого уклада едва ли может быть принят.

Во-вторых, полученные данные говорят о том, что, как ни сжимал мелкотоварное производство пресс видоизмененного крепостничества и капитализма, оно еще имело силу расти не только абсолютно, но, возможно, и относительно. В 90-е годы доля мелкотоварного уклада в земледельческом производстве несколько повысилась сравнительно с 80-ми годами. Конечно, проделанный расчет приблизителен, а избранный путь определения доли мелкотоварного уклада является косвенным. Поэтому речь в данном случае может идти лишь о гипотезе, а не о выводах. Насколько эта гипотеза верна — покажет дальнейшая специальная разработка вопроса. Между прочим, в последующей работе следует решить и вопрос о том, в какой мере допустимо отнесение к мелкотоварному укладу хозяйства беднейшего крестьянства.

Таковы некоторые конкретные наблюдения над развитием мелкотоварного уклада во второй половине XIX в. Мы уверены, что обсуждение малоисследованной проблемы о развитии мелкотоварного производства, начатое на страницах журнала «История СССР», будет плодотворным и полезным.

